

Сляднева В. И. Чаша жизни. // Б-ка писателей Ставрополя для школьников. – Москва, 2000. – 48 с.

Я, ТВОЯ ЭВРИДИКА...

Кони времени дико скачут мимо меня,
Я, твоя Эвридика, я, твоя Эвридика,
У живого склоняюсь огня.
Ты очаг свой оставил. Фронт катился незряч.
Журавлиная стая, журавлиная стая,
Пролетая, уносит мой плач.

Нам не жить друг без друга в карусели земной!
Но стоят полукругом, стоят полукругом
Зори нашей любви предо мной.
Там, где тропка крутая, рвали бури мой плащ.
Журавлиная стая, журавлиная стая,
Пролетая, уносит мой плач.

Пламенеют гвоздики здесь который уж год!
Я, твоя Эвридика, я, твоя Эвридика,
Жду тебя у Господних ворот.
Наконец-то светает. Жизнь, простор обозначь!
Журавлиная стая, журавлиная стая,
Пролетая, уносит мой плач.

Что же могут враги наши знать,
Чего мы не узнали когда-то?
Просто им небеса обкорнать
Над уснувшей приземистой хатой!

Вон, со всех набегают сторон,
Затевают то свары, то ссоры.
Что им Сретенской церковки звон,
Вологодской земли разговоры!

Там, где медлил и вздох, –
Взад-вперед
Они ходят и топчут мгновенья.

Как легко им копать огород,
Где взошли и любовь, и терпенье.

Не глядят ни назад, ни вперед
И не чтят вековые законы...
Лезут, лезут, как мухи на мед,
И плюют в наши души-иконы.

О ПЕРЕСТРОЙКЕ

Можно рвать, конечно, жилы,
Тяжелей взваливши кладь!
Ритмы сердца, ритмы жизни
На пределе можно гнать.
 Только б где-то за сугором
 Через долгие года
 Не пошли бы разговоры:
 — Все же гнали не туда!
Больно лед ложился ломкий
Прямо под ноги людей!
Зря порвали мы постромки
И загнали лошадей.

Иду. Глаза смеются волглые,
И звон ручья, и птичий лет...
Зима была такая долгая,
Что думала: «И не пройдет...»

Но нет, опять небес сияние!
Я дню молюсь – иконостас! –
И сократилось расстояние
От сердца к сердцу в сотни раз.

С надеждой думается: «Вот теперь
У пчел побуду на пиру!»
А то, что это только оттепель,
И в голову я не беру.

РОССИЯ 90-Х

Души провалы, расстоянья,
Взор застилающая мгла...
Был Бог и было покаянье,
Душа очиститься могла.

Мы в плен какой-то силой взяты:
Других не жаль, себя не жаль.
Нужна нам собственная святость,
Чтоб на руках дитя держать.

На «времена» пустая ссылка.
Будь проклят зла вселенский пир!
Средь тех, кто в тюрьмы слал посылки, –
Палач, судья и конвоир.

И ныне мы, ослабнув сердцем,
Твердим: «Сиротская страна!»
Вновь ею правят иноверцы,
Как балом правит сатана.

Пост и в мясоед – какая грусть!
Мучаюсь какого же рожна я?
Соберусь и с птицами вернусь –
Да поможет сила мне блажная.

Земляков спрошу я: «Как вы тут?» —
А они: «Покуда слава Богу!»
И акаций купы зацветут,
Белые, у моего порога.

Так уж сложилось и спелось уж так! –
Там, где колючка растет, – вижу мак.
Зренье такое, видать, у меня!
Пусть я горю, как любовь. Мне огня.
Этого хватит на холод и мрак.
Легок по милой земле каждый шаг.
Так повелось. Так сложилось давно –
Стать здесь землю судьбой мне дано,

Длить ее скорбь и ошибки прощать.
...Камнем вдали от нее мне молчать.

В моей голове мешанина...
Кто первый судья, кто второй?!
Карабкалась я на равнину,
Она – продолжалась горой.
 И к выси стремясь голубиной,
 Я вновь прерывала полет,
 Рукою махнув: «Все едино...»
 И шла, но назад ли? Вперед?!
У чьих же каминов я грелась?
Под чей же просилась я кров?!
Когда мне кричалось и пелось,
Гляделось на лица без слов? –
 Теперь уже я не отвечу! –
 Забыла об этом и том...
 В земле – мои гордые плечи,
 И пьют из них корни цветов.

И береза, и осина
С холмика видна...
У меня – одна Россия
И любовь одна!

Пью,
Желанный холм осилив,
Ветер ключевой...
Впереди – любовь, Россия –
Больше ничего!

По холсту – голубень и марево,
Белый лебедь и красна девица...
И в Надежде, и в Старо-Марьевке
На художника все надеются.

– Ах, какой молодец! Задешево
Раздает нам все краски летние!
И у нас, где подушки с прошвами,
По водиче поплыли лебеди.

Я их глажу, перышки трогаю,
И молчат они, безответные...
И отец мой, и мать растроганы,
Что мечты у меня разноцветные.

1

Красный дождик,
Дождик осиновый
Ходит лесом,
Тропкою лосиною.

Сердце зовет меня
Снова в Россию.
Чернее черни
Дождик осиновый.

2

За голосами чужих поездов
И за таможенным гвалтом –
Родины светлый единственный дом.
Снег. И под окнами галки.

Я частушки напою
Мужу в день получки,
И веснушки продаю –
Сто рублей за штучку.
Только скуп мой муженек –
Сто платить не хочет.
На торги ушел денек
И еще полночи.

А наутро вновь сосед
Льет елей из кружки –
«Ничего дороже нет,

Чем твои веснушки»

Я соседу: «Покупай!» —
Говорю и плачу, —
Он за каждую – мне рай –
Жизнь дает в придачу.

Пляшет платье на ветру,
А он мне, подружки,
Повторяет: — Я умру
За твои веснушки!

Славный выдался денек! —
Сетуй тут, не сетуй –
Стал соседом муженек,
Муженьком – сосед мой.

Льется песня через край,
Слышно за три мили!
Мне веснушки дарит май,
Чтоб меня любили.

Господи! Какая суета!
Выстыли глаза, заледенели,
Струны онемели, а ведь пели
В те перезабытые лета!

То нехватка просто, то грызня
На страницах жизни преисподней!
Буду я на все смотреть сегодня
С юмором, всех умников дразня.

Наведу в душе я марафет,
Стану и наивной, и влюбленной,
Скажут, что мне цвет идет зеленый,
Купят шоколадку и конфет.

Господи! Какая суета!
Жизнь горит и вьется серый пепел,
...Прежде распинают без креста,
Чтоб нам после думалось: «Мир светел...»

Когда на небе нет звезды, –
Дождись – придет твоя,
И зацветут еще сады
В твоих родных краях.

А не пойдут дела на лад –
Ты их и не кляни! –
Один во всем ты виноват,
Себя во всем вини.

Не смотрит женщина? Любя,
Любовь свою ты спрячь,
Забудет родина тебя? –
Тогда казись и плачь!

Какие-то всхлипы, какие-то звуки,
А я недалеко стою.
Зачем Вы, приятель, в хорошие руки
Отдали собаку свою?

Она меня знать не желает, не хочет
Ни есть ничего и не пить,
Написано ей на роду, между прочим,
Лишь Вас по-собачьи любить.

Грызет она землю, пытается волком
Завыть, будоража весь край,
А Вы ее, брат, потрепали по холке,
Сказали: «Ну что же, бывай!»

Наверно, о ней Вы уже и забыли,
Не знающий горьких утрат.
Собака сбежала. По глине и пыли
За нею бреду наугад.

Вдали различаю какие-то звуки.
Да где ж она, милая, где ж?
«Зачем Вы, приятель, в хорошие руки...» –
Ну вот, отыскалась...

Поешь...

Луч из туч летит, счастливый,
Птицы в небо тянут сеть,
Каплет с веток – это сливам
Вышел срок уже висеть.

Время яркое настало –
Все бросай и кисть бери! –
Мак сверкает каплей алой
На запястье у зари.

Над лугами дух медовый,
Солнца теплого шаги,
Не замыслили б худого
В этот час мои враги!

БУМАЖНЫЕ ЦВЕТЫ

От прилавка, не скупая,
Отхожу и снова – в путь:
«Кто их только покупает? –
Ни понюхать, ни взглянуть».

Я люблю цветы живые!
На равнинах, бугорках –
Расцветают. Огневые
Капельки на лепестках.

Буду помнить долго-долго
Тот букет, что ты принес...
Ну а эти – лишь подобье.
Нет подобия у звезд.

Снег танцует и кружится
После солнца и капли.
Зря пролески голубели.
Где бы мне теплом разжиться?

Непогода на неделю
Зарядила, не уходит.
Ну откуда этот холод?
Ну куда, скажите, дели

Вы тепло, неся остуду,
Дни весенние?

Верните

Золотого солнца нити.
Я летать букашкой буду!
Стану я пролеском синим!
Жаворонком сладкогласным...
Быть травинкой я согласна.
Дай тепла мне, жизнь, и силы!

Дикого коня не приручить.
Ставь у коновязи – он из кожи
Вырвется и – вслед заре умчит:
Он не будет никогда стреножен.
На дороге пыль взовьет винтом,
Гриву по Вселенной всей расстелит.
Будто в воду, канет он в простор,
А его – в плену держать хотели!

Коса, молоток, лекало
И двести, и триста лет.
Да гребень еще с зеркалом
У дедушки на столе.

Хватает пиле двуручной
Таланта подпеть пчеле...
Откуда ж на небе тучи –
Печаль на моем челе?

Предки имели и лук и пращу, порох имели!
У однодворца, соседа, гощу, у Еремея.

Он рассуждает: «Да я не дурак! – деньги на ветер!»
Полон добра и подвал, и чердак, дом его светел.

— Все, — говорит, — я нажил трудом честным и правым,
Но я жалею, жалею о том, что меркнет Отечества слава!

Где же служивый и ладный народ? Нет. Оттеснили!
Вылезли гады из тысяч болот. Все при деньгах и при силе!

Ах, Еремей! — Эти байки – глухим!
Но твой запал мне так дорог.
Время придет, как и предки, – сухим,
Будем держать мы наш порох.

О себе я часто забывала,
Шла, как шла – искать не смея брод.
Зная, что и без меня немало
В мире слез и мировых хлопот.

Детскими сиротскими глазами
Измеряла не свою беду.
Никому я слова не сказала,
Что на полдороге упаду.

Но когда металась я в горячке
И пурга валила меня с ног,
Думала я: «О моих болячках
Должен знать хотя бы Господь Бог!»

Устала молиться я на образа,
Тоска навалилась глухая,
И на стекле на оконном слеза
На солнышке не просыхает.

Березка оделась в нарядную шаль,
В подружки ко мне напросилась,
И я не отвечу – чего же мне жаль,
Куда подевались все силы.

Все жду я в июльские дни снегиря
Или – соловья среди стужи,

А, может, того, чтобы снова в дверях
Стекали с туфель твоих лужи.
Устала молиться я... Столько лет
Я жизнь эту нежно любила!
И хочется верить, что смерти нет.
Господь, сохрани и помилуй!

Подкупы и наветы. Небо по швам трещит.
Совести если нету – значит, и – не ищи!
— Это черты эпохи, — кто-нибудь скажет мне.
Но и при царе Горохе совесть была в цене!
И раньше жилось не сладко
Тем, кто дружил с добром,
И раньше за правду схватка вспыхивала костром.
Подкупы и наветы... Но все не грянет гром.
Песенку, что не спета, синим своим крылом
Защищает и птичка, не видимая в лесу...
Я зажигаю спичку, перед собой несущую.

«В поэзии не будет равных!» –
Кого мне этим удивить? –
И вновь поэты делят лавры,
Как будто можно их делить.

Не сумасбродствуйте, поэты,
Откройте ваши терема –
У каждого – зима и лето
И подорожная сума.

И мир не тесен, мир не тесен! –
И ваш он от земли до звезд...
Ему светло от ваших песен,
Ему темно – от ваших слез!

Куда там еще в поднебесье парить?!
Стал путь и тернистым, и долгим.

Показался хилый ельник:
Корни съел болотный яд,
А сосняк, его брательник,
Сгинул вовсе, говорят...
— Что случилось? — спросит кто-то,
Еле сдерживая злость.
— И откуда тут болото
Это грязное взялось?
Будет нечего ответить
Ни тебе тогда, ни мне...
Виноваты будут дети —
Мы с тобою в стороне.

Черные, белые нити
Не разорву — так спалю.
Где ты, мой Ангел Хранитель?
Видишь ли, как я терплю!
 Тропки потеряны в чаще,
 Дни сожжены на костре.
 Ты бы отвел эту чашу,
 Что дал братьям и сестре.
Быть я устала невеждой,
Стать терпеливой — нет сил!
Ты б меня белой одеждой
Хоть под конец наградил.
 Впрочем, не то и не это...
 Длилась бы жизни страда!
 Чтобы хватило мне света —
 Будь со мной рядом всегда.

Скворцовым

Где вы, Тамара и Костя?
Слышно — пропали в лесу!
Вы хоронить себя бросьте,
Я вас найду и спасу.

В златоосеннем пожаре
С лешим один на один –
Ох, и грибов мы нажарим,
Ох, глухаря поедим!

И о печалях – ни слова,
И о беде – ни гу-гу.
Хватит нам пицци и крова,
И огоньков на лугу!
 Что же нам, бедным, нейметя?
 Света не видим в окне!
 Что ж нам так трудно живется
 В веке двадцатом, на дне.

НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ ДРУГУ

Что пожелать мне Вам под Новый Год?
При кошельке чтоб были и при силе,
Чтоб не назад глядели Вы – вперед!
И чтоб к Вам в гости шутки приходили.

Смеяться шутки те помогут Вам
Над всем смешным, что с Вами приключилось.
Пусть смех тот со слезами пополам –
Вы повторяйте: «Плакать нет причины!»

Вы улыбайтесь! Многим так нужна
Улыбка Ваша, чтобы черпать силы...
А жизнь, ах, жизнь,
 она ведь, как княжна,
И нет ее прекрасней, нет – красивей!

Рана у березы на стволе,
Кровь зари вокруг струится ало...
В операционной на столе
Счет иной минутам я узнала.

Цену дружбы я узнала вмиг,
В миг, когда надежда покидала. –

Есть у дружбы брат родной – двойник
Греческого мастера Дедала.

Это он и сделал крылья мне,
Говоря: «Без крыльев людям плохо».
И с тех пор летаю я во сне,
Хоть давно – ракетная эпоха.

Не кого-нибудь из вас –
Я себя лишь упрекаю,
В том, что свет в душе погас,
В том, что брата предал Каин.
В том, что думать о судьбе,
О своей,

я перестала...

Не о мире – о себе
Знания мало, песен мало.
Где они, мои цветы?
Не сыскать на белом свете!
Меньше стало доброты,
И за это я в ответе.

Можно полететь в любой конец,
Есть разгон и воздуха хватает,
Но лечу на лампу-светунец,
Как к своим гнездовьям птичьей стаи.
Нив разлив и яблоки на Спас,
Конь, передо мной склонивший выю, –
Это все – мой Северный Кавказ,
Все мои дороги верстовые.
Там по селам гуси-шипунны,
Петухи на крашенных воротах.
Наберу в карманы тишины,
Прокачусь на малых оборотах.
Как меня приладило к земле
Травами, крестами на погостах!
В солнышке опять бы мне сомлеть

Горячий лоб мой, охолонь!
Недаром сталь бывает прочною,
Когда пройдет через огонь.

Засыплет май округу трелями,
Жизнь переправит нечет в чет.
А что секло меня метелями
И жгло морозами – не в счет.

Я порой бываю суеверной.
Древние поверья – не пустяк.
И боюсь любой приметы верной,
Пол не подметаю при гостях.

Обхожу я кошку стороною –
Вдруг перебежит дорогу мне!
Зеркало разбитое виною,
Если счастье бродит в стороне.

Ты смеешься надо мной, но разве
Можно отыскать смешное в том,
Что плюю через плечо три раза,
Осеняя новый день крестом?

Все говорят: «Работа лечит...»
И я лечилась от беды,
И соглашалась брать на плечи
Все невозможные труды.

Себя работой убивала
Недели, месяцы, года,
Но только боль не убывала,
Ходила рядышком беда.

Бабочка, бабочка, сбейся с пути!
На огонь не лети.

Крылышки вспыхнут и – нет...
Но опять ты, как тысячи лет,
Все летишь и летишь на огонь...

Превозмогая стылые пространства,
Весенний день приходит в свой черед,
Прибрежной рощи скромное убранство
Весенний день в свой теплый плен берет,
Превозмогая стылые пространства.

Возьму в подмастерья зарю,
Покличу с горы ветра,
И песню свою творю
Из красоты и добра.

Я гляну травинке в лицо –
Увижу в пожарах степь
И о бессмертья отцов
Я попытаюсь спеть.

И низко земле поклонюсь –
Сколько в ней слез и труда!..
Я песню свою – боюсь! —
Не допою никогда.

...Того и этого касаться
Давай не будем.
Настало время причесаться
И выйти к людям.
И сил достанет – улыбнуться,
И первым делом
К давно покинутым вернуться
Души пределам.
И то, что в ней века хранилось
Под паутиной,

Достать,
 сказать: «Вот это милость —
Знать мир в картинах».
Они стоят перед тобою
В любом порядке:
Луг, сад и небо голубое,
Забор и грядки;
Любимый спит, любимый курит,
Дитя играет...
Прекрасней нет – по Эпикуру –
Земного рая!

Быть добрым, а не добреньким – талант!
За все свою умей платить ты цену,
И не себя – других веди на сцену,
Пигмеем быть умей, хоть ты атлант!
Быть добрым, а не добреньким – есть дар
Такой же редкий, как певца, поэта...
И добрых любят на Земле за это,
И чтут все без разбору – млад и стар.

И потому опаснее свинца
Бывает доброты любая маска,
Как смертная змеи гремучей ласка...
Ловлюсь я на нее,
Как на живца.

Наверно, это чья-то месть.
Плещись в душе, тоска!
Пропали птицы. Где – Бог весть,
Теперь мне их искать.
Сырого воздуха глотну –
Кругом и топь, и гать! –
Зачем оставили одну
Без песен пропадать?!
Из песен тех душа пила,
Как будто из криниц...

Ни степь, ни лес, ни даль села
Не узнаю без птиц.
И в ледоход ты их не жди!
Свершился божий суд...
Идут кислотные дожди,
Который год идут.

Птенчики пушистые на ветке
У вербы прохладной, однолетки,
Огород и озеро парное,
Где смеется детство озорное,
И кусты у затравевшей горки –
Это платья моего оборки,
Мне носить, носить его годами,
Приходить в нем к Детству на свиданье.

Неотвратимо время настает,
И берег есть у красоты безбрежной;
Кончается любой стрелы полет,
И ненависть, и доброта, и нежность.
 О, бедные мои, отец и мать,
 Я ваших глаз слезящихся не вижу
 От слез своих... Как горестно мне знать,
 Что час ухода вашего все ближе.

Неотвратимо время настает.
Над суетной землей мелькают птицы,
И если бы не этих мыслей гнет,
Кто б с ними помешал соединиться!?

Прости меня, жизнь, не могу оставаться на стрежне
Потока, что сносит порой на пути все злым селем!
Меня заждались тишина и туманов безбрежность
И поле отцовское, где боронил он и сеял.

И пьяный дурман дорогих моих трав приворотных
С долиной, где дремлет село под названьем Надежда...

Как бросится старый мой пес ко мне из подворотни!
Как сердце забьется у дома щемяще и нежно!

КОЛЮЧКИ

ТАЙНА

— Вся тайна в том – другой в помине нет! –
Не замутишь собою белый свет.

СУД ПИЛАТА

Тот суд несправедливый был
Здесь и повсюду!
Пилат и часть вины не смыл,
Убив Иуду.

ЕЩЕ ОДНО СУЖДЕНИЕ

Большой талант, он, как атлант,
Взвалив на плечи тяжесть века,
Минуя скопище людей,
Идет навстречу – Человеку!

СИЛА ВЛАСТИ

Бояться сильных – слабого удел.
За оправданье прячусь: «Много дел...»
Перед самой собой не так-то просто
Признать своих возможностей предел!

СЫНОВЬЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Сын учился плохо и болел,
Мать страдала, сына обожая.
Наконец, ее он пожалел –
Не оставил адрес, уезжая.

ЖАЛОБА БОЛЬНОГО

Я, заболев, ходил к семи врачам,
Теперь семи болезней обладатель,
От мазей и микстур совсем зачах! –
...От дюжины врачей – храни, создатель!

СТРАТЕГИЯ УМА

Начальник мой мне наносил визит
Не раз, не два в назначенное время...
Теперь мне увольнение не грозит –
И к празднику не остаюсь без премий.

НЕ РАЗГЛЯДЕТЬ...

На горке – куст рябиновый
Ввысь ягоды простер?
Иль – пастухи озябли
И развели костер?

ЗАДНИМ ЧИСЛОМ

Оцени торжественность момента! –
Брежнева снимают с постамента,
Орден его не признают...
Дифирамбы мертвым не поют!

УСМЕШКА РОЗЫ

Хочется сорвать? —
Сорви, пожалуйста!
Только уж потом
Не жалуйся.

ОТОМСТИЛА

При мне другим он расточал
И нежность, и любовь без меры!
И сам рогатым ходит он сейчас –
Не надо подавать дурных примеров!

СОРАТНИКУ ТЕЛЬМАНА

В тюрингском лесу у костра с ним сидели мы,
Плясало у ног торопливое пламя,
Я слушала молча соратника Тельмана,
Столетние сосны шумели над нами.

Лицо бороздили морщины суровые –
Примета печали, лишений примета...
И вдруг его облик увиделся снова мне,
Как будто сошедший сейчас с монумента.

Гармоника пиликает, под крышу лезет вьюн,
Иду за земляникою, вокруг поет июнь.
На горке дождь припустится, показывая прыть,
Протянут ветки кустики, чтоб от дождя укрыть.
Но выйдет, выйдет солнышко, ненастье заслоня,
И высветит до донышка, до донышка меня...

...Лишь в детстве неутраченном, где тучи – пустяки,
Бываем мы прозрачными, как летом родники.

Разговорчивые ступени,
Незапамятные года...
Там черемуха в белой пене,
Полустанки и поезда.

Там живет соловей, подручный
Неба синего, что без дна...
Там – уж если родник, – стозвучный,
А уж если – любовь, – одна!

Вспомню отчизну – светло и легко!
Скатерть льняная, кувшин, молоко,
Синь эспарцета, разливы овса,
Запах покосного лета, роса...

Бабка Егориха встретит с клюкой...
Память, не ходит она далеко:
Около неба, что нет голубей,
Около близких земель и людей.

Тут зной ходил, и пыль летела,
Страды минуты нележки...
С сознанием сделанного дела
Идут навстречу земляки.
... И как бы мир наш не хотели
Переиначить те, кто слеп, –
А человек скатерку стелит
И посредине ставит хлеб.

НЕ ПОМНЯЩЕМУ РОДСТВА

Сядь, напиши: «Родимые!
Жив, не попал в беду,

Как там у вас озимые,
Яблоки как в саду?

Я, погодите, вырвусь вот,
К вам напрямиком махну...»
Враз старики-то вырастут,
Радостно так вздохнут.

Перед соседкой хвастая:
«Свидимся ли – как знать!» –
Станут листок распрастывать
И в третий раз читать.

В минуту созревания полей
Вдруг жаворонок трелями залется,
И станет небо чище и светлей,
И сердце хлебороба встрепенется.

В минуту созревания полей
Ударят в наковаленки цикады,
Перемахнет луч солнца веселей
В моем селе садовые ограды.

В минуту созревания полей
Хожу-брожу не знаю где весь день я,
Вдруг прозревая, что душе милей
Бескрайний ветер, травы запустенья.

ЖНИЦА

Бабушке моей Ксении Андреевне

Глаза синеют из-под платочка,
Как будто на поле васильки...
Откинет серп, пеленает дочку,
Стряхнув колючие остюки.

Надвинет жница на брови-дуги
Платок пониже и – к полосе!

И вновь поднимется сноп упругий,
Отполированный вспыхнет серп.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ УРАЛЕ

То синий урман приснится,
То где-нибудь у костра
Вспорхнет предо мной жар-птицей
От мартена искра.

И до утра не отпустит, –
Как руки ее длинные! –
Отлитая в Златоусте
Зеркальная сталь луны.

— Кто тут дерево срубил? —
Дует ветер в уши.
Тут родник когда-то бил,
Но отняли душу.

Крутит листья суховей,
Зной стоит бездонный,
Копошатся меж ветвей
Три птенца бездомных.

... Здесь могли бы птицы петь,
Здесь вот петь – не где-то.
А теперь – надолго степь
Догола раздета.

В СТЕПИ

1

Потому ли, что встречала
Куст репейника везде,
Я его не замечала,
Мимо бегая весь день?

Но, как розу, почитаю
Я репейник рыжий мой,

И его я не считаю
Только сорною травой.

2

Озябшая, сырая луна в пяти шагах.
Тревожатся, играя, зарницы на хлебах
Я трону колос ел: впрямь, колокола вид!
А он и в самом деле тихонько зазвенит.

3

Тонкие стебли. Ковыль и пшеница.
Быль или небыль? Явь или снится?
Быль. Ну, конечно! С ног моих пыль
Веником нежным сметает ковыль.

ИЗ ЦИКЛА «АРМЕЙСКИЕ БУДНИ»

1

В лесу учебные бои.
Все ловкость, выучка решат тут...
Глядит солдат: пред ним стоит,
Гриб, заломив большую шапку.

На миг солдат к земле приник,
Над ним сосны летела крона...
Он с малолетства был грибник,
А потому и гриб не тронул.

2

До того, как на ученьях цели
Будут ловко сбиты там и тут,
Десять раз штабные офицеры
Уточнят и выверят маршрут.

До звезды не покидают штаба.
С каждым годом выправка стройней...
Если звезды в небе светят слабо,
Значит, рядом ваши – покрупней.

3

Простые дела у тебя,
И простая задача:
Врагу не отдать ни луны,
Ни ракетного плача,

Ни летнего теплого ливня,
Ни крупного града...
Солдат, свою службу,
Я знаю, несешь ты как надо!

Чтоб каждому в мире хватило
И смеха и хлеба,
Ты свой самолет
Поднимаешь бестрепетно в небо,
Беславья не знавшее
Синее небо родное,
Чтоб вечно светилось
России крылечко резное.

УЧЕНЬЯ

Орудья ухают в рассвете,
Лишь листья желтые летят...
На миг глаза откроют дети
И снова – безмятежно спят.

И только где-нибудь поодаль
Старушка шепчет: «Не усну...»
Погиб сынок ее за Одер,
А зять – писали – за Шексну.

Чтоб цветы расцветали,
И в платье домашнем простом
Хлеб румяный пшеничный
Могла бы я ставить на стол,
Чтоб могла в планетарий
Гурьбою бежать детвора, –
Пусть чувствительней станут радары,
Чем были вчера!
И покуда о разоруженье
Вестись будет речь,
Сын, как ты, будет нашу отчизну стеречь...
Видно, мало истории тех обжигающих дат!

Видно, нам и о внуке
Придется подумать: «Солдат...»

«О, как непросто жить на свете!» —
Вздохну всем сердцем иногда...
А мой скакун летал, как ветер,
И перемахивал года,
Не уставая, не петляя,
Не убегая от судьбы,
Порой на сердце оставляя
Такие ясные следы!
Но мой скакун, дружок рисковый,
Что сроду норов не смирял,
Давно летучие подковы
С красивым звоном
Растерял.

Я из фасолинок цветных
Плела на камушке узоры:
И легкий парусник, и море,
Что где-то есть в краях иных.
Промчались годы, как недели!
Вот тот же камушек – на нем,
Как будто выжжены огнем,
Узоры детства уцелели.

МИМОЛЕТНОЕ

Хочу я жить над озером большим,
В немой простор распахивать ворота,
И прошлое, как угли, ворошить...
Осыпалась вся суетность души,
Как с италийских храмов позолота.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОД

Ходил по округе с котомкою голод,
И тьма то сивела, то глохла.
Гнедая кобыла не вышла на гору,

Упала и сдохла.
И ветер над нею, немного поплакав,
Понесся пустынной дорогой.
И ворон спустился, потребовал плату
У Господа Бога.
— Лети! Поищи себе пищу другую!
...Печально округа смотрела.
И Бог тетиву натянул вдруг тугую
И выпустил стрелы.
Пригнула его мировая кручина –
В округе – ни горсточки жита!
...Всегда есть охотники до мертвечины!
При чем Вседержитель?

Упокоилась мама в земле.
Не лечу к ней, как прежде летела.
«Как же так, – ее горестных лет
Облегчить я ничем не успела!»
Я пытаюсь себя оправдать:
«Мол, забот было в жизни немало...»
Только с болью мне как совладать –
Вся земля опустела без мамы?!

Век по белому свету ходила, летала я.
У меня было лето с грибами и таволгой,
И веселая речка с осокой и нерестом,
И резное крылечко с охапкою вереска.
У меня была слава, слова приворотные...
Лишь теперь – я узнала, что бесповоротные.

Мы, женщины, – сама тому свидетель, –
Годам своим не верим ни на грош...
Ворвется в бабье лето желтый ветер,
Настигнет белый ветер – ну и что ж!
Забыть слова любви мы не посмели,
Мы их дыханье бережно храним,

И просто в даль иную залетели
Где непривычно даже нам самим.
Лишь отойдем от зеркала, и тут же
Мы забываем о своих морщинах,
Мы радуемся и, конечно, тужим,
Что наши сыновья уже мужчины.
Завидуем немного нашим дочкам,
На выпускной их в белом провожая...
Наш час печали часто приурочен
К цветенью лип и половодью маю.

РУКИ МАТЕРИ

Стали руки твои грубы,
И деревенеют пальцы...
Но они рубили срубы,
И держали ловко пяльцы.
Сколько сеяли и жали!
Ткали холст заветный,
Пятерых детей сажали
На лужок приветный.
Стали руки некрасивы,
Но судьбе в угоду,
Твои руки не просили
Милостыню сроду.
Жить бы вечно беспечально,
Но беда приспела...
Ничего не завещаю мне,
Кроме рук умелых.

На взгорке вишня расцвела,
И речи дар ручей обрел.
Опять мне дарит взмах крыла
Знакомец мой, степной орел.
От ветра ль влажные глаза,
А лошадь все разгон берет...
Я ей шепчу: «Скачи назад...»
Она – вперед, вперед, вперед.

Прольется дождь, прибьет к дорожкам пыль,
И я направлюсь к полевому стану.
У ног моих распустит вновь ковыль
Густые серебристые султаны.
Залиты дали рыжею стерней,
Блестят, как пол, что только что скоблили.
И тучи проплывают стороной,
Неторопливо расправляя крылья.
...Все это было, кажется, давно,
Но снова дышит каждый лист озоном,
И крутится знакомое кино
С полетом птиц, и чистотой, и звоном.

Красногрудый снегирь ошалел –
Как тюльпан на снегу заалел...
Белый иней осыпал плечо,
Полоснул меня взгляд горячо...
Только я ведь не знать не могу,
Что цветы не растут на снегу.

По утренним скверам плутаю,
Довольна судьбою своей...
Стряхнет пролетающая стая
Последние листья с ветвей.

И весело будет и странно
Рукою до неба достать,
И с птицами в дальние страны
За синей мечтой улетать.

НА ДЕМИДОВСКОМ ЗАВОДЕ

Работный люд у домны чах,
Нужда его косила,
И плыл в литейке дым и чад
Оранжевый и синий.

Лампадки свет едва дрожал –
В избе сырой и черной,
И снова каторжник бежал,
Хоть знал, что в лапы к черту.
А на сто верст вокруг леса,
Да углежогов избы,
Да рудобоев голоса,
Да приказчик-изверг.
...Урал, Урал, твое вчера
Стоит передо мною,
Когда в глухие вечера
Стоит тайга стеною.

ЮРИЮ КУЗНЕЦОВУ

Ну вот! Ни с того, ни с сего градобой,
Какой он помощник в беседе?!
С тобой мы связаны русской судьбой,
И в русской телеге мы едем,

Хлебая дожди и дрожа от грозы,
И слушая чьи-то рыдания,
Пытаясь понять мироздания азы,
Хоть сами та ж пыль мироздания.

Несет нас из дальних и тутошних мест,
И кружит в слепой круговерти,
Нас в землю втоптали и сняли с нас крест,
А мы все живем и все терпим.

Ну вот пролетел, наконец, градобой,
Просветы раскрыли дорогу...
С тобою мы связаны русской судьбой,
И молимся нашему Богу.

Не прячемся от мирового суда –
И крест свой нести нам по силе...
О чем бы ни шел разговор наш – всегда
Он будет о нас, о России.

И проступят из могучих сосен
Рубленые башенки Кремля,
Золотая суздальская осень
Выйдет, мир крестами осеня.

Золотая суздальская осень,
Ты живешь, не ведая греха,
Высоты небесной только просят
Здесь замшелые шатровые верха.

Покажется месяц двурогий, мой шаг потечет, неспешен,
А вдоль грунтовой дороги стоят деревца черешен,
Цветущих моих черешен.

Закружатся звезды в танце, когда я тебя замечу,
И на ухо мне: «Останься!» — шепнет уходящий вечер,
Далекий весенний вечер.

Вдали серпантин тропинки и чей-то плач безутешен,
Осенние паутинки плывут к деревцам черешен,
Цветущих моих черешен.

К АРМЕНИИ

Сегодня не будет веселых застолий,
Улыбок на лицах во взорванных снах.
Сестра моя слышит. Я – плач колоколен
На ближних и дальних российских холмах.

Нет, мы не лукавили в дружбе и вере!
Граната цветок в синих плещется льнах...
Сегодня я – хрупкая скрипка Гварнери –
Рыдаю на горестных похоронах.

Когда бы могла я – закрыла б руками,
От горя тебя... Отвела бы беду.
По Ленинану и Кировокану
Потерянно в черной одежде бреду.

Декабрь 1988 г.

У края последней дороги,
Когда упованья – к концу.
«Как жить мне?» — ударюсь я в ноги
Седому, как лунь, мудрецу.
— По силам и чести! — он скажет, —
Я мерки не знаю другой.
На пыльные лапти покажет,
На горб за широкой спиной.
— Уж ноги мои ослабели
И зренья упало от слез...
— Припомни-ка скрип колыбели,
Над полем сияние звезд!
Их зов, — говорили мне, — вечен,
Кто помнит их — тот и богат.
Как жить — я тебе не отвечу...
И вновь я бреду наугад.

Моя любовь, не покидай меня!
Пускай в свои права вступает вьюга,
А ты гори, китайской розой с юга!
Моя любовь, не покидай меня!

Моя любовь, не покидай меня!
К отечеству, к любимому навеки,
Когда метель засыплет мои веки,
Моя любовь, не покидай меня.

Во всей Вселенной музыка весны, —
Поет залетный серый соловей!
Хорошие дочурка видит сны —
Иначе б незачем так улыбаться ей!

И нету в небе и в помине туч.
Сегодня не грущу я ни о ком.

Отдерну шторку – тут же солнца луч
В лицо дочурки тычется щенком.

НАРКОМАН

Где теперь его идеи,
Разные, несметные?
Слово странное «балдею» –
Самое заветное.

Достает марихуану,
В конопле купается,
Батьку кличет он «паханом»
И с чертями знается.

Пляшут перед ним гадюки
В колдовской обители,
И удача – ноги в руки –
Только ее видели!

— Что ж ты это, конопляник,
Конопляник, выжига?!
Прадед бранными поля
Шел...

А знал – не выжил бы.

В природе яркие цвета
Плывут в своих размывах странных.
Как раскаленная плита,
Моя земля весной в тюльпанах.

Вскипая белым молоком,
Куст бузины глаза покличет,
Подсолнух, что давно знаком,
Вновь в ослепительном обличье.

По цвету туч определяю
Настигнувшее нас предгрозые,
Глядят в затылок октябрю
Рябин рубиновые гроздья,

И при погоде при любой –
Уже ты знаешь тайну эту –
В твоих глазах увижу боль
По изменившемуся цвету.

Не молитва, не поздний зов –
Чудотворцы давно повержены.
Награди меня, жизнь, слезой –
Что-то стала я очень сдержанной.

Лист качается золотой,
Как маяк зазывает к берегу,
Награди меня маятой,
Как листвой награждаешь дерево.

Награди – до утра прождать –
И бежать к месту встречи снова...
Если не за что награждать –
Награди хоть крестом сосновым!

Я не хочу судьбу просить, чтоб растопила наши льды.
И не умею голосить, и каменею от беды.

Пускай торопится братва вселенских стуж на мой порог.
И не больна я, а мертва. И мой заступник только Бог!

Сама взойду на холмик я. Ну сколько можно в жизнь
играть!
Жаль, не докликнутся друзья. И сын напрасно будет ждать.

А на днях улетел соловей
До весны из соседней дубравы.
Перепуталось все в голове,
Как в лугах перепутались травы.
 Что вчера осудила умом,
 Оправдала сегодня я сердцем...
 Розовеет рассвет над холмом,
 Петухи покидают насесты.
Переклик по родной стороне.
Рассвело и опять свечерело...

И сегодня люблю я вдвойне
То, что раньше любить не умела.
И что знала давно наизусть, —
Как казалось, — по-новому вижу.
Соловья улетевшего грусть
Мне становится ближе и ближе.

УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ

— Старик, что в котомке лежит твоей? —
И голос — навстречу тих:
— Горбы невернувшихся сыновей
И ржавые цепи их.
Богатою в шахтах была руда,
Отсюда пошел булат!
По грудь сыновьям была тут вода,
Непросто давался клад...
— Старик, сыновьям уж нельзя помочь,
О прошлом забыть пора!
— Шиханы лежат, как темная ночь,
Вокруг, что ни горб — гора! —
Сказал и пропал. Я себе: — Забудь! —
Потерянно говорю, —
В минувшее мне заказан уж путь...
Зачем же его торю?!

Отворю-ка я калитку, загляну в знакомый двор.
Бывшую соседку кликну, заведу с ней разговор.
Я ее не упрекаю, что она в который раз
Повторяет: «Кто ж такая», с-под ладони щуря глаз.
Я б ответила, но жало вдруг вонзилось в грудь мою:
«Неужели я чужая в дорогом моем краю?»
По проулку — клубы пыли, в окнах — доброта огня...
Если люди позабыли, — значит, не было меня.

У ДВУХ МОГИЛ

Они любили ее, и один, и второй,
Так, как любят живые цветы...

— Кыш, проклятые! — мух разгоняет рой.
Слепнет, беззубая.

Нет и следов красоты

И в мыслях тоже нет отваги былой.
Вечностью кажутся ей пять минут...
Они любили ее, и один, и второй
Так давно...

Которого как зовут!?

Никто из нас не думает про смерть, —
Настолько смерть, видать, невероятна,
Но лишь на миг в приход ее поверь —
И станет все нам дорого и свято:

Собачий лай, скворечня на шесте,
И в небе гром, и ветер переметный;
Сорока с доброй вестью на хвосте,
И самолет с погодою нелетной,

И твой упрек: «Нет на тебе креста!»,
И ревности нелепое мученье, —
Все в мире сразу станет на места,
Исполнено великого значенья.

Никто из нас не думает про смерть,
А то в делах — могли мы преуспеть.

Я пишу о лете, о весне,
О крапиве в речке, о сосне,
О поющей птице над могилой;
О дороге, что бежит назад,
И о том, что вновь зеленый сад, —
Все о ней, о родине, о милой.

Я в глаза детей вплетала льны,
Шла полями, берегом Двины,

Не мечтала о разливах Нила...
Колокольный звон, степную тишь,
И «Катюшу», и «Шумел камыш...» —
Кажется — сама я сочинила.

Целый день куст розы повторял:
«Лепестки вчера я потерял,
Нет на мне ни одного бутона»...
Луч зари спокойно озарял
Желтый лист, гладь водную затона...

Деталь в десятки тонн — не диво
Тебе, державной славы страж!
Я по цехам твоим ходила,
Гордясь тобою, Уралмаш!
 До разговоров не охочий —
 Всегда в работе жди аврал, —
 Мне руку честную рабочий
 С большим доверьем подавал.
И мастер улыбался шире,
Подмигивая мне хитро,
Сталеразливочной машины
Явив огромное утро.
 — И что вы там ни говорите, —
 Кричал, толкнув меня плечом, —
 Громада этих габаритов
 Мир убеждает кое в чем!
Смеялась: «Убеждает, ясно...»
И вновь шагалось мне легко,
И с огненной опояской
Заря катилась далеко.

Мне снятся еще ночами
Луга и дорога в поле,
И фикус зеленый в школе —
Оттуда мое начало.

Поддерживает плечами,
Эльбрус золотые тучи,
И солнце плывет над кручей –
Оттуда мое начало.

Усыпан бугор грачами,
Там предок пахал и сеял
В такой же денек весенний –
Оттуда мое начало.

Пронзителен и отчаян
Мой голос в громах затерян...
Зовет меня детства терем –
Оттуда мое начало.

За Мамайкой, за Кумой домик мой
Дремлет у куста сирени,
А поодаль у реки – топольки
Птичьи слушают свирели.
Это все мое добро: серебро
Синих сумерек ковыльных,
Мед росы на полынке... Вдалеке
Путник на дороге пыльной.

Хлеб... Перед ним померкнут сотни зол!
Не совладать с ним недугу и хвори.
Я улыбаюсь – ставят хлеб на стол,
И у гостей – улыбки свет во взоре.
Бессмертье хлеба в теплой борозде.
Пускай бывал тяжелым он и клеклым!
Но только знаю я, – всегда, везде
Пред словом «хлеб» слова другие блекнут.

АРТЕМУ

— Все как у людей – лицо и шея! —
Говорит, на внука глядя дед, —

Только – ни мечты, и ни идеи,
А без них и человека нет...»
Да, земля, и дерево, и птица
Ничего ему не говорят.
Человек... Не сразу он родится!

Его версты жизни сотворят.
И улыбки, и слова, которых
Будет и ему не доставать...
Крошечный, с еще туманным взором
Завтра станет мир он узнавать.

Век течет неторопливо наша Речка мимо Ивы,
Спросит Речка: «Что ты, Ива, так грустна и молчалива?»

Ива снова не ответит: «Понимают даже дети!
Коль печальна я всегда, значит, – у меня беда!»

В поле и чисто, и голо. Мчалась я тут на коне.
Перепелиное соло часто мне снилось во сне.
...Как было не удивиться птице, запевшей не в срок!
Значит, известно и птице – что мне родной уголок.

Я строчкам мечты доверяю, себя им на суд отдаю,
Как в дочках, я в них повторяю живую улыбку свою.

«Как грустно жить на белом свете!» —
Вздохну порою иногда...
А мой скакун летал, как ветер,
И перемахивал года,

Не уставая, не петляя,
Не убегая от судьбы,
Порой на сердце оставляя
Такие ясные следы.

Зачем же, скажите на милость,
О ней без конца вспоминаю?!

Она мне уже надоела.

Я жгу безотцовщину в строчках,

Я рву одиночество в клочья,

Но все – бесполезное дело!

Подступится страх, словно холод,

Хотя б отпустило немного...

— Любимый, стой! —

у порога

Шепчу, будто в бой он уходит.

В дымной сумеречной хате,

Поседевши от тоски,

Каждый вечер вяжет Катя

Фронту – теплые носки.

Спицу выхватит, не глядя,

И опять – за кругом круг:

«Ну еще на четверть пяди

Навяжу... носи, мил-друг!»

А с лица сбежали краски:

И кузнец она, и жнец...

Бабью боль и бабью ласку

В бой с собой берет боец.

И слезой вскипает жалость:

«Бабам как на их стезе?!»

...Может быть, и удержалась

Родина на той слезе!